

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

(на правах рукописи)

Чшиев Владимир Таймуразович

**ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК
КАК ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ**

Исторические науки:
07.00.06 – археология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2017

Работа выполнена в отделе археологии Государственного бюджетного учреждения «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания».

Научный руководитель: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук Валентина Ивановна Козенкова.

Официальные оппоненты:

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Брилева Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный музей искусства народов Востока.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «**Государственный исторический музей**».

Защита состоится «22» сентября 2017 г. в 12.00 часов на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <http://www.archaeolog.ru/media/dissovet/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 201__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук



Е.Г. Дэвлет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предгорья Северного Кавказа в границах современной Республики Северная Осетия – Алания (*далее* – РСО – А) в эпоху поздней бронзы – раннего железа были населены племенами – носителями кобанской археологической культуры.

Располагаясь между «метрополией» (горная зона Центрального Кавказа) и соседними инокультурными массивами (степные племена юга Восточной Европы и культуры Северного Причерноморья) кобанские племена предгорно-равнинной зоны Северной Осетии, в определенной степени выступали в роли контактной среды между ними. С этим, а также с зонально-географическим фактором связаны некоторые особенности материальной культуры памятников кобанской культуры рассматриваемого субрегиона.

Выбор темы исследования обусловлен отсутствием обобщающих научных трудов по комплексному изучению памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии. В решении данного вопроса первостепенную роль играют обширные материалы Эльхотовского некрополя кобанской культуры. Памятник открыт в 1996 г. отрядом археологических разведок Института истории и археологии РСО – Алания (начальник отряда В. Т. Чшиев). Раскопки памятника производились с 1996 по 2005 г. Эльхотовским отрядом Археологической экспедиции Института истории и археологии РСО – Алания под руководством автора.

В диссертации также рассматриваются материалы остальных известных памятников предгорно-равнинной части РСО – А: Змейское, Среднеурухское, Комсомольское, Эльхоткомское, Гизельдонское, Карагасыобау, Николаевское, Дур-Дур-5 (Кауат), Блин-Гора 1, Моздокское и Чернореченское поселения, а также артефакты Николаевского, Заманкульского, Моздокского, Змейского и Комаровского могильников.

Степень изученности проблемы и актуальность исследования.

Несмотря на перспективность рассматриваемого субрегиона в плане археологического исследования, планомерная работа по обобщению и анализу материалов памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии ранее не проводилась, что предполагает актуальность исследования. Вводимые в научный оборот археологические материалы позволяют заполнить лакуну, образовавшуюся в исследовании памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа рассматриваемой территории.

Научное исследование кобанской культуры началось и успешно продолжается со времени открытия в последней трети 19 века известного Верхнекобанского могильника, давшего название новой археологической культуре. Начались работы по выявлению и изучению памятников новой самобытной культуры Кавказа. Огромную роль в этом процессе сыграла большая, подвижническая, работа, проделанная учеными русской археологической школы – А. С. и П. С. Уваровыми, Г. Д. Филимоновым, В. И. Долбежевым, В. Б. Антоновичем, А. А. Бобринским и другими.¹ Однако, основные вопросы изучения кобанской культуры были поставлены и стали успешно решаться в советскую и постсоветскую эпоху. Проблемы абсолютной и относительной хронологии, территории распространения, происхождения, развития и позднейшей трансформации культуры, взаимоотношения племен кобанской культуры с культурами киммерийско-скифского мира и смежными кавказскими и закавказскими племенами, кобанское искусство и технология производств, эти, и многие другие вопросы стали предметом глубоких исследований таких ученых – археологов как А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, Б. А. Куфтин, А. П. Круглов, А.А. Миллер, О.А. Артамонова-Полтавцева, Б.В. Техов, А.Х. Сланов, В.И. Козенкова, О.М. Джапаридзе, Е.П. Алексеева, Р.М. Абрамишвили, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, И.М.

¹ Уваров, 1887; Уварова, 1900; Антонович, 1882; Филимонов, 1878; Долбежев, 1888; Миллер, 1888; Бобринский, 1882; 1888.

Чеченов, Т.Б. Барцева, Н.Н. Терехова, С.Л. Дударев, Ю.Н. Воронов, В.Б. Ковалевская, В.В. Кривицкий, Л.Н. Панцхава, Я.В. Доманский, В.Г. Котович, О.М. Давудов, В.Г. Петренко, В.М. Батчаев, А.П. Мошинский, А.Ю. Скаков, А.Б.Белинский, С.Райнхольд, Ю.А. Прокопенко, Б. Х. Атабиев, Г.Н.Вольная (Керцева), Т.Н. Нераденко и ряда других.¹

Подчеркнем, однако, что на фоне успешного научного исследования материалов кобанской культуры в целом, территория рассматриваемого региона резко выделялась слабым специальным исследованием. В 30 – гг. 20 в. А.А.Иессеном и Б.Б.Пиотровским были раскопаны 4 погребения Моздокского могильника. В 1954 г. В.П.Любиным было выявлено Верхнесанибанское (Гизельдонское) поселение; 1957 г. – Д.В.Деопиком и Е.И.Крупновым произведены раскопки Змейского поселения; 1965 гг. – В.А.Кузнецовым открыты Николаевское поселение и одноименный могильник. В 1970 г. им же раскопано одно погребение Заманкульского могильника. В 1970 г. Т.Б.Тургиевым были раскопаны 13 грунтовых

¹ Иессен, 1935; 1941; 1951; 1953; 1954; 1956; Круглов, 1937; 1941; 1956; 1958; Круглов, Подгаецкий, 1941; Куфтин, 1949 а - б; Миллер, 1932; 1933; Пиотровский, 1940; Крупнов, 1940; 1948; 1951; 1952; 1957; 1960; 1965; 1969; Деопик, Крупнов, 1961; Техов 1957; 1974; 1977; 1981; 1985; 1988; 1996; 2000; 2001; 2002; 2006; Мунчаев, 1961; 1963; 1968; Артамонова-Полтавцева, 1950; Абрамишвили, 1957; Джапаридзе, 1950; 1953; Доманский, 1984; Панцхава, 1975; 1988; Петренко, 1984; 1989; Алексеева, 1949; 1971; Козенкова, 1969; 1977а; 1977б; 1981а, 1981б; 1982; 1989а; 1989б; 1996; 2008; 2013; 2016; Аптекарев, Козенкова, 1986; Ковалевская, 1984; 1980; 1988; 2005; Ковалевская, Козенкова, 2008; Абрамова, 1970; 1974; 1988; 1999; Виноградов, 1972; 1973; 1974; 1976; Виноградов, Дударев 2003; Виноградов, Дударев, Рунич 1980; Виноградов, Махортых, 1996; Дударев, 1991; 1995; 1999; 2004; 2005; 2011; Батчаев, 1974; 1985; Нераденко, 1986; 1988; Нераденко, Дударев, 1997; Белинский, 1990; 2011; Белинский, Вальчак, 1998; Белинский, Дударев, 2001 а; 2001 б; 2007; 2005; 2015; Чеченов, 1969; 1974; Воронов, 1984, с. 8-10; 1978; Gazdapustai, 1963; Kossack, 1983; Лесков, 1971; Лесков, Эрлих, 1999; Эрлих, 1994; 2007; Вальчак, 1996; 1997; 2005; Вальчак, Скаков, 2003; Сланов, 1975; 1978; 1989; Вольная, 2002; 2010; 2014; Мошинский, 1987; 1988 а; 1988 б; 1996; 1999; 2003 а; 2003 б; 2005; 2006 а; 2006 б; 2007; 2008 а; 2008 б; Мошинский, Скаков, 1996; Мошинский, Скаков, 2000; Мошинский, Скаков, 2001; Мошинский, Скаков, 2008; Скаков, 1997; 1999; 2001; 2003; 2008; Коробов, 2002; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004; Борисов, Коробов, 2008; Коробов, Борисов, 2010; Коробов, Борисов, 2011; Белинский, Коробов, Райнхольд, 2008; Белинский, Коробов, Райнхольд, 2010; Reinhold, 2007; Райнхольд, 2007; Прокопенко, 2012; 2014; Барцева, 1981; 1984; 1988; Терехова, 1988; 1990; 2000; Атабиев, 1988; 2006; Котович, 1978.

погребений Николаевского могильника, выявленного ранее В.А.Кузнецовым. В этом же году М.П.Абрамовой были исследованы 10 погребений Комаровского могильника. В 2013 г. М. А. Бакушевым выявлен и исследован новейший Змейский могильник кобанской культуры. Работа с материалом памятника пока не завершена и нами использованы в исследовании опубликованные данные 14 погребений могильника.

Объектом исследования являются культурно-исторические процессы, протекавшие в предскифский – раннескифский период в среде племен кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

Предметом исследования является общий свод известных и новых материалов погребальных и бытовых памятников кобанской археологической культуры IX – VI вв. до н.э., расположенных в предгорно-равнинной части Северной Осетии, главным образом, многочисленные материалы Эльхотовского могильника, на сегодня – эталонного среди памятников изучаемого региона.

Основной **целью** исследования является формирование целостного представления о погребальном обряде и материальной культуре кобанских племен предгорно-равнинной зоны территории современной Северной Осетии – Алании.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы и последовательно решены следующие **задачи**:

- систематизация и типологизация материалов Эльхотовского могильника;
- хронологическая дифференциация погребальных комплексов Эльхотовского могильника;
- периодизация материалов памятника;
- выявление и определение инокультурных влияний на кобанские племена, оставивших Эльхотовский могильник и другие памятники центрального варианта кобанской культуры рассматриваемого региона.

– составление базы данных (каталога) материалов кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии.

Исследование основано на применении традиционных археологических **методов:** типологического, стратиграфического, картографического, планиграфического, метода аналогий, метода датирования закрытых комплексов, хронологизации. Также в исследовании были использованы метод многомерного статистического анализа и метод количественных характеристик.

Источниковедческую базу диссертационного исследования составляют материалы, полученные в результате полевой археологической работы автора на памятниках предгорно – равнинной части Северной Осетии в период с 1996 по 2012 гг., а также, известные к настоящему времени артефакты других археологических объектов рассматриваемого региона. В целом, это материалы 11 поселений и 7 могильников. Свод источников исследования составляют материалы 116 погребальных комплексов Эльхотовского, Николаевского, Змейского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников (Приложение 2, том 3), материалы Среднеурухского, Верхнесанибанского, Николаевского, Чернореченского поселений, Карагасы-обау, Блин-гора 1, случайные находки предметов кобанской культуры, происходящие из предгорно-равнинной части Северной Осетии. Кроме того, привлечены материалы Национального музея РСО – А, Государственного Эрмитажа, Археологического музея СОГУ им. К.Л.Хетагурова, Государственного исторического музея, Венского музея Естественной истории. Бóльшую часть источников, использовавшуюся в исследовании составляют материалы археологических отчетов, хранящиеся в архиве Института археологии РАН, Архиве рукописных фондов СОИГСИ им. В.И. Абаева и Архиве Национального музея РСО – А, Института истории материальной культуры РАН.¹ К их анализу и интерпретации привлечены

¹ Абрамова, М.П. 1970. Отчет об археологических раскопках в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1970 г. – Владикавказ. Архив Национального музея РСО – А.

археологические материалы синхронных памятников Кавказа, Предкавказья, Северного Причерноморья.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно:

– восполняет существенный пробел в изучении памятников Северной Осетии эпохи поздней бронзы – раннего железа, и в целом, материалов центрального варианта кобанской культуры;

– на основе материалов Эльхотовского могильника, а также с привлечением всего корпуса доступных артефактов других памятников рассматриваемого субрегиона прослежены векторы контактов населения этого района с культурами сопредельных регионов в рассматриваемую эпоху;

– прослежена эволюция ряда артефактов памятника с IX в. до н.э. – по начало VII в. до н.э.;

– на основе анализа зафиксированных *in situ* материалов Эльхотовского могильника реконструирована оригинальная система женских украшений одежды и головного убора.

– основу исследования составляют впервые вводимые в широкий научный оборот материалы бытовых и погребальных памятников кобанской культуры предгорно – равнинной части Северной Осетии – Алании, главным среди которых является Эльхотовский могильник.

Ф. 4, оп. 2, ед. хр. 18; Кузнецов, В.А. 1965. Отчет об археологической разведке в СОАССР, произведенной в сентябре 1965 г. – Владикавказ. Архив СОИГСИ. ОРФ, Ф. 6, оп. 1., д.67, а. 1965; Тургиев, Т.Б. 1971. Отчет об археологической разведке, проведенной со студентами СОГУ (май 1970 г.) – Орджоникидзе. 1971. Архив ИА РАН. Р-1, № 4902, 4902 а; Царикаева (Албегова), З.Х. 2006. Отчет об археологической разведке в Северной Осетии в 2005 г. Владикавказ, 2006. Архив ИА РАН. № 26240; Чшиев, В.Т.1999. Отчет о раскопках в 1998 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 1999. Архив ИА РАН. № 22607; Чшиев, В. Т. 2001 а. Отчет о раскопках в 2000 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2001. Архив ИА РАН. № 24364; Чшиев, В.Т. 2003 а. Отчет о раскопках в 2002 году грунтового могильника у с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А. – Владикавказ, 2003. Архив ИА РАН. № 22888.

Хронологические рамки работы ограничены, в основном, концом II – первой половиной I тыс. до н. э. В пределах этого времени рассматриваются материалы XI – конца VIII вв. до н.э. – эпоха «классической Кобани», это преимущественно памятники предгорий, и VII – VI вв. до н.э. – периода определенной трансформации кобанской культуры, прослеживаемой как по материалам предгорий, так и равнинной части Северной Осетии.

Географические рамки охватывают предгорно-равнинную часть Северного Кавказа в современных административных границах Республики Северная Осетия – Алания. Этот микрорегион, являясь частью локального центрального варианта кобанской культуры (северокавказская группа памятников), обнаруживает, некоторое своеобразие в вещевом инвентаре и погребальном обряде в отличие от горной и южнокавказской группы памятников.

Научная значимость диссертации обусловлена тем, что всестороннее изучение одного из ключевых памятников центрального варианта кобанской культуры – Эльхотовского могильника, а также материалов других могильников и поселений предгорно-равнинной зоны Северной Осетии выявило своеобразие этой группы памятников в общем археологическом контексте центрального варианта Кобани, показало особую роль местных племен как контактной среды между населением горной зоны Центрального Кавказа, степными племенами юга Восточной Европы и Северного Причерноморья.

Впервые для погребальных объектов кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии на базе комплексов одного памятника – Эльхотовского могильника – создана типология, классификация и хронологическая шкала археологических древностей.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы при написании как обобщающих трудов по истории Северной Осетии, так и трудов по древней истории Кавказа, при подготовке

спецкурсов, краеведческой работе, составлении археологических карт памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа Северного Кавказа.

Личное участие автора в получении выводов диссертации

Основные положения и выводы диссертационного исследования базируются на проведенном В. Т. Чшиевым комплексном анализе материалов памятников кобанской культуры предгорно–равнинной части Северной Осетии. Из которых наиболее информативным и полнее исследованным является Эльхотовский могильник. В должности начальника отряда автор производил археологические раскопки Эльхотовского могильника с 1996 по 2005 г., Николаевского могильника с 2011 по 2012 г. С 1997 по 2013 в ходе разведочных полевых работ автором были обследованы семь поселений кобанской культуры изучаемого региона (Карагасы-обау, Верхнесанибанское, Среднеурухское, Комсомольское, Николаевское, Блин-гора 1, Чернореченское). Соискатель самостоятельно работал с вещевыми коллекциями и архивными материалами (отчетами об археологических раскопках, фотоматериалами, рисунками, чертежами), хранящимися в фондах Национального музея РСО – Алания, Археологического музея СОГУ им. К.Л.Хетагурова, Государственного Эрмитажа, Института истории материальной культуры РАН, Института Археологии РАН, Музея естественной истории в Вене.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационной работы отражены в 2 монографиях и 33 статьях, опубликованных автором, материалах региональных и международных научных конференций. Доклады о результатах работ автора заслушивались на заседаниях Отдела археологии Института истории и археологии РСО – А и на заседаниях группы археологии Кавказа ИА РАН.

Положения, выносимые на защиту. В итоге проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. В начале I тыс. до н.э. племена – носители кобанской культуры предгорной части современной территории Северной Осетии находились в весьма благоприятных географических, климатических и политических условиях, что обусловило активное возникновение развитие, а также, распространение их поселений в данном регионе. Но уже в начале – середине VII в. до н.э. жизнь на части поселений кобанской культуры предгорной части Северной Осетии прекращается в связи с изменением политической обстановки в регионе.

2. Располагаясь между «метрополией» (горная зона Центрального Кавказа) и соседними инокультурными массивами (степные племена юга России и Северного Причерноморья) кобанские племена предгорной части Северной Осетии в начале – первой трети I тыс. до н.э., в определенной степени выступают в роли контактной среды между названными регионами. Превалирует, преимущественно, мирный характер контактов между ними в начале – первой трети I тыс. до н.э.

3. Некоторые особенности материальной культуры кобанских памятников предгорий Северной Осетии в IX – VI вв. до н.э., также свидетельствуют, что оставившие их племена выступали в качестве буферной, контактной зоны со степным населением юга Восточной Европы, Северного Причерноморья.

4. На основе использования методики многомерного статистического анализа материалов Эльхотовского могильника автором разработана хронология погребений памятника как базового для других синхронных некрополей. В рамках общей датировки могильника IX в. до н.э. – начало VII в. до н.э. выделены 3 хронологические группы погребений: – IX в. до н.э., VIII в. до н.э., начала VII в. до н.э.

5. Проведенная автором типологическая классификация вещевого материала Эльхотовского могильника, с привлечением аналогий, позволила проследить трансформацию ряда артефактов памятника с IX в. до н.э. – по начало VII в. до н.э.

6. На основе материалов Эльхотовского могильника, а также, с использованием в работе всего корпуса доступных артефактов других памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии, удалось проследить конкретные направления контактов и связей населения этого района с культурами сопредельных регионов в рассматриваемую эпоху. Установлена интенсивность контактов между носителями кобанской археологической культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии и племенами Нижнего Подонья, Северного Причерноморья, а также с населением западного и восточного вариантов Кобани.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, альбома иллюстраций (63 рисунков, карт, чертежей) и двух приложений. Приложение № 1 состоит из 10 таблиц отражающих статистический и хронологический анализ погребений и вещевого инвентаря Эльхотовского могильника. Приложение № 2 составляет корпус погребальных комплексов Эльхотовского и других, известных на сегодня, могильников предгорий РСО – А (материал 116 погребальных комплексов на 167 стр.). Общий объем рукописи составляет 11, 4 печатных листов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении рассматриваются степень изученности проблемы и актуальность исследования, научная новизна, объект и предмет исследования, цели и задачи, хронологические и географические рамки работы. Здесь же отражена методика исследования, практическая значимость, источники, структура диссертации, изложен личный вклад автора в исследуемую проблему,

ГЛАВА 1. ПАМЯТНИКИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНО-РАВНИННОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В **разделе 1** рассматриваются природные особенности предгорной части Северной Осетии, рельеф местности, растительный покров, животный мир. Здесь же отражено географическое расположение кобанских памятников в изучаемом регионе. Также, в разделе рассматриваются три притеречных памятника кобанской культуры равнинной части Северной Осетии, связанные общностью исторического развития с предгорными. Это Комаровский и Моздокский могильники и Моздокское поселение.

Известные на данный момент памятники кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии тяготеют, как правило, к Кабардино – Сунженскому и Лесистому хребтам. Часть из них (Среднеурухское, Комсомольское, Змейское поселения, Змейский могильник) располагаются на северо-западных отрогах хребта и прилегающей к ним территории. Другие памятники - (могильники у с. Заманкул, ст. Николаевская, поселения Блин-гора 1, Эльхотком, Николаевское, Каууат Дур-Дур-5) расположены на южных и юго-восточных отрогах хребта или вблизи них. Несколько отличается своим расположением Эльхотовский могильник. Последний расположен почти в центре Кабардино – Сунженского хребта, в ущелье, прорезанном в нем р. Терек в меридиональном направлении.

В целом, рассматриваемая территория является частью среднего течения р. Терек и его притоков – Гизельдона, Фиагдона, Уруха, Ардона, и других меньших рек.

В разделе 2 изложена история изучения кобанской культуры в целом. Отмечена ведущая роль большой группы ученых российской и советской научных школ, а также, вклад зарубежных исследователей в дело изучения памятников кобанской культуры. Здесь же рассматривается история и итоги изучения предгорных памятников кобанской культуры Северной Осетии – Алании, а также, некоторых археологических объектов культуры, расположенных в равнинной части Республики (исследования А.А.Миллера – 1935 г., Б.Б.Пиотровского – 1933, 1936 и 1940 гг., А.А.Иессена – 1940 г., Д.В.Деопик и Е.И.Крупнова – 1957 г., М.П.Абрамовой – 1970 г., В.А.Кузнецов – 1965 – 1970 гг., Т.Б.Тургиева – 1970 г., М.А.Бакушева – 2013 г.).

В этом же разделе рассматриваются вопросы ареального членения и периодизации кобанской культуры, предложенные исследователями, с конца 19 века – по наше время.

Делается вывод, что, кобанские памятники предгорной части Северной Осетии составляют часть ареала центрального варианта кобанской культуры и входят в северную подгруппу А (по классификации В.И.Козенковой.) Однако, несмотря на большой объем работы, проделанной исследователями – кавказоведами в деле систематизации древностей кобанской культуры Кавказа, изучение территории именно предгорной части Северной Осетии в трудах ученых представлено весьма недостаточно. Несмотря на перспективность данного района в плане археологического исследования, специальная работа по обобщению и анализу материалов памятников кобанской культуры предгорной части Северной Осетии ранее не проводилась.

В разделе 3 рассматриваются предгорные поселения культуры и близкое им Моздокское, расположенное на берегу р. Терек у невысокого Терского хребта. Это материалы 11 поселений: Змейское, Среднеурухское, Комсомольское, Эльхотком, Верхнесанибанское, Карагасы-обау, Николаевское (Дур-Дур-2), Каууат (Дур-Дур-5), Чернореченское, Блин-гора –

1 и Моздокское. Дается общая комплексная характеристика этих бытовых памятников, в том числе с привлечением новых материалов. Располагаясь в благоприятных природно – географических условиях материальная культура рассматриваемых поселений достигает своего расцвета в период с рубежа II по начало VII в. до н.э. Картографирование месторасположения кобанских поселений, показало, что кроме географического фактора связанного с рельефом местности и доступностью водных источников, кобанскими племенами при выборе места учитывались и его стратегические и экономические (коммуникационные и торговые) аспекты.

4 раздел посвящен погребальным объектам кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии (том 3, приложение 2 – каталог). В первую очередь это Эльхотовский могильник, представленный материалами 59 захоронений. Также, в данном разделе рассматриваются итоги раскопок автора на Николаевском могильнике (2011 – 2012 гг.), материалы раскопок этого же памятника Т.Б.Тургиевым (1970 г.), материалы раскопок В.А.Кузнецова Заманкульского могильника, М.П.Абрамовой Комаровского могильника, материалы Моздокского могильника и погребения у пос. Садовый, а также артефакты из недавно обнаруженного экспедицией М.А.Бакушева нового могильника у станицы Змейская. Все эти погребальные памятники, кроме Заманкульского, Моздокского и Комаровского могильников, бытуют на протяжении как предскифского, так и скифского периодов. Три последних упомянутых некрополя датируются скифским временем.

Исследование материальной культуры погребальных объектов предгорно-равнинной части Северной Осетии показало, кроме прочего, картину определенной трансформации, как погребального обряда, так и вещевого инвентаря племен кобанской культуры рассматриваемого субрегиона в период с IX в. до н.э. – по VI в. до н.э.

ГЛАВА 2. ЭЛЬХОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В трех разделах **2 главы** непосредственно рассматриваются результаты исследования материалов Эльхотовского могильника кобанской культуры, как эталонного и базового в данной работе.

В **1 разделе** дается общая характеристика памятника, приводятся данные о месторасположении, обстоятельствах обнаружения и проводившихся здесь раскопках. Приводятся аргументы, на основании которых он определенно относится к объектам центрального варианта кобанской культуры.

Следующий **2 раздел** посвящен погребальному обряду памятника, планиграфии могильника, позам и ориентировке погребенных. Отмечены и рассматриваются такие элементы обряда как помещение в погребения охры, древесного угля, жертвенной пищи (костей ног МРС.) В созданных на основе анализа материалов памятника 10 таблицах (Приложение 1) отражены данные по половозрастным признакам, особенностям обряда, ориентировке костяков и вещевому инвентарю. Бо́льшая часть погребенных ориентирована головой на северо-восток – 30 случаев, что составляет 50,8% от всех захоронений могильника. 9 погребенных лежали головой на СВВ – 15 % от количества всех захоронений; 7 погребений ориентированы на восток, т.е. – 11% от количества всех захоронений; 5 погребений – на ССВ – 8,4 %; 1 погребение ориентировано на север. В 7 случаях ориентировка не определена.

Данные по половозрастному признаку (в тех случаях, когда удалось их выявить) показало следующую картину: В 57 погребениях находилось по одному одиночному захоронению и в 1 погребении (№ 73) было двойное захоронение (мужчина и женщина.) Всего взрослых погребенных – 42. Из них мужских – 15. Женских – 27. Детские захоронения представлены в 15

погребениях. Анализ позволил выявить изменения в погребальном обряде, произошедшие в период с IX в. до н.э. – по начало VII в. до н.э.

В 3 разделе произведена систематизация погребального инвентаря памятника (типология и хронологическая классификация вещей по аналогиям). Инвентарь могильника разделен, исходя из функционально-предметного назначения, на 9 кластеров – подразделов. Это посуда, орудия труда, аксессуары одежды, оружие, комплекты конской упряжки, атрибуты воинского доспеха, украшения, предметы сакрального значения и предмет неизвестного назначения.

2.3.1. *Сосуды.* В этом подразделе рассматривается форма, орнаментация, цветовая гамма и другие признаки эльхотовской керамики.

Вся эльхотовская керамика лощеная, значительная часть украшена орнаментом. Орнамент керамического комплекса могильника преимущественно линейный, это – врезные горизонтальные и вертикальные линии, косые линии на тулове, заштрихованные треугольники. В меньшем количестве встречается наклепной орнамент. Последний представлен овальными, сосцевидными, а также, вертикальными удлинненными наклепами. Цветовая гамма сосудов могильника весьма разнообразна: - это коричневый, черный, серый – нескольких оттенков, от светло-серого, до почти черного, и, - оранжевый цвета. Ведущие категории сосудов Эльхотовского могильника – это корчаги с раздутым туловом, относительно широким горлом и отогнутым венчиком, кружки с петлевидной массивной ручкой, выступающей над отогнутым венчиком. Характерным элементом эльхотовского керамического набора являются черпаки, – сосуды с высокой петлевидной ручкой и закругленным дном.

Анализ керамического сервиза Эльхотовского могильника показал, что для обряда погребения характерен обычай помещать в могилу набор из сочетания корчаги и кружки (или корчаги и черпака).

Сосуды, найденные в погребениях Эльхотовского могильника, разделены по назначению на три подраздела: тарные, кухонные и столовые.

Которые, в свою очередь, разделены на типы, подтипы и варианты, исходя из формы, орнаментации и других особенностей. Выявлено их процентное соотношение между собой.

2.3.2. *Орудия труда* из могильника по назначению распределены на разделы. Исходя из материала – по подразделам; по особенности формы выделяются типы предметов. Это бронзовый и железные ножи, кремневые вкладыши в серп, кремневые огнива-кресала, иглы, проколки, пряслица, оселки. Предметы данной категории классифицированы автором исходя из таких признаков как функциональное назначение, материал, форма и продатированы исходя из аналогий.

2.3.3. *Аксессуары одежды: Булавки, ворворки, фибулы, пуговицы, пояс и пряжки.* В данной группе представлены предметы одежды, объединенные в шесть разделов по назначению. Это булавки, ворворки, фибулы, пуговицы, пояса и пряжки. Исходя из материала изготовления и морфологически, они разделены на типы и подтипы. Приведены соответствующие аналогии из других памятников.

2.3.4. *Оружие.* Несмотря на относительно небольшую группу погребений могильника, содержащую мужские захоронения, а также, значительное количество потревоженных или ограбленных погребений, тем не менее, материалы памятника представлены достаточно большим количеством предметов вооружения, свидетельствующих о высокой степени военизированности населения оставившего Эльхотовский могильник. Предметы вооружения представлены такими категориями как: – топоры (бронзовые и каменный), копья (все из железа), кинжалы (четыре бронзовых и один железный), наконечники стрел (бронзовые и костяные) (Чшиев, 2012 б, с. 69, рис. 1).

В основу классификации предметов вооружения положены такие признаки как материал (бронза, камень, кость, железо), форма, орнаментация. Приведены аналогии из других памятников.

2.3.5. Предметы конской узды. В группе конской узды выделены два раздела: это соответственно, удила и псалии. Предметы, связанные с уздой коня найдены в двух мужских погребениях могильника. В погребении № 60 находился комплект узды, состоявший из бронзовых двукольчатых удил и двух роговых псалиев (Чшиев, 2005; Чшиев, 2012 в). В погребении № 85 обнаружены два роговых псалия без удил (Чшиев, 2011). Возможно, удила в этом погребении были ременные и поэтому не сохранились, или их не положили в погребение вместе с псалиями вследствие большой ценности данного предмета в рассматриваемую эпоху.

Роговые псалии могильника выделены в два типа исходя из их формы, а также, по количеству и расположению отверстий. Очерчен круг аналогий.

2.3.6. Атрибуты воинского доспеха. В данном подразделе рассматриваются бронзовые нашивные бляшки подпрямоугольной формы от наборного защитного воинского доспеха. Они найдены в женском захоронении и, использовались (вторично) как украшение.

2.3.7. Украшения. Чрезвычайно обильно в погребениях Эльхотовского могильника представлены всевозможные украшения костюма. Все они классифицированы в 12 разделах с подразделами. Это привески, браслеты, налокотники, гривны, височные привески/подвески, бляхи и бляшки, перстни, пронизи, трубочки, накошники, бусы и бисер.

Привески памятника, по назначению и материалу разделены на 12 типов. Браслеты, представлены одним типом (бронзовые литые пластинчатые с тремя треугольными ребрами на спинке и концами, закрученными в волюты). Налокотники также однотипны (спиральные, конусовидные). Однотипны гривны могильника, представляющие собой бронзовый прут круглого сечения, утонченный на концах, завернутых в трубочки. Височные привески Эльхотовского могильника делятся морфологически на 4 типа. Все они изготовлены из бронзы. Большая часть их найдена в области головы погребенных или вблизи от нее, поэтому считаем возможным называть их «височные». В то же время, не исключено, что в некоторых отдельных

случаях они могли использоваться в качестве нагрудных украшений, или находиться в составе сложных наборов украшений.

Все привески (кроме одного случая) найдены в 18 женских захоронениях. Как правило, по две или четыре, в каждом.

В данной категории украшений морфологически выделяются четыре типа.

Бронзовые бляхи, найденные в погребениях Эльхотовского могильника, относятся к аксессуарам женского костюма. Ими украшалась как одежда погребенных, так и головной убор. По способу прикрепления к костюму они делятся на два вида – бляхи с петлей, и нашивные. Морфологически выделяются 4 типа.

Полусферические бляшки малого размера также изготовлены из бронзы. По способу прикрепления они разделяются на два подраздела – с петлями и нашивные.

Бронзовые перстни найдены как в мужских (2 случая), так и в женских погребениях (17 случаев). Морфологически подразделяются на три типа.

Бронзовые пронизи могильника биконической или цилиндрической формы, спирально скручены из плоской или подтреугольной в сечении тонкой ленты. В одних случаях пронизи выступают в виде разграничителей в связках бус или колье, в других – нашивались на одежду или пояс. Морфологически выделяются два типа.

Трубочки Эльхотовского могильника свернуты из бронзовых пластинок в 1 – 1,3 оборота. Все они – цилиндрические, но разного диаметра и длины.

Примечательными изделиями Эльхотовского могильника являются наконечники. Бронзовые наконечники находились в женских погребениях и составляли элемент украшения головного убора. Изготовлены из уплощенной или подтреугольной ленты скрученной спирально в виде цилиндрической трубки. Как правило, наконечники находились между лопаток и в области спины погребенных, в некоторых случаях спускаясь вдоль спины

до пояса и таза костяков. В погребениях №№ 20 и 77 массивные наконечники сочетались с тонкими, где первые располагались выше, и вероятно вплетались в косы, а последние составляли конечную часть сложной системы головных украшений (Чшиев, 2007). Наконечники были найдены в 8 женских погребениях могильника, что составляет 13,% от количества всех исследованных комплексов. Морфологически и по размерам они разделяются на два типа.

Особенностью Эльхотовского могильника можно считать обилие всевозможных бус. В погребениях бусы находились как в составе ожерелий, включавших привески, так и отдельно. Как правило, они были зафиксированы в области шеи, груди, изредка – у головы и ног. В последнем случае, вероятно, ими обшивались края платья. Преимущественно бусы находились в женских погребениях, но, в некоторых случаях и в небольшом количестве – в мужских. Исходя из материала изготовления и формы, бусы распределяются на шесть подразделов и несколько типов.

2.3.8. *Предметы сакрального значения (астрагалы).* Астрагалы (альчики) мелкого рогатого скота были найдены в четырех погребениях могильника. В одном детском, одном мужском, и двух женских. Астрагалы – бараньи. В материалах кобанской культуры бараньи астрагалы, с отверстиями и без, известны как предметы для игры или гадальные «кости». На востоке ареала они представлены в слое Сержень – Юртовского поселения X – VII вв. до н.э., в погребениях начала I тыс. до н.э. Зандакского могильника и, на позднем этапе – в погребении 20 Нестеровского могильника. На западе ареала они известны в материалах гробниц могильника Терезе XI – VIII вв. до н.э. Весьма многочисленны находки бараньих астрагалов и в памятниках центрального варианта кобанской культуры, как в классическую эпоху, так и в скифское время. В поселении Сауар, расположенном в высокогорной зоне центрального варианта кобанской культуры, астрагалы были найдены на участке V - IV вв. до н.э., на территории культовой площадки (раскопки А.П.Мошинского).

2.3.9. Предметы неизвестного назначения. Роговая втулка?

В мужском воинском погребении № 49 был найден обрез рога цилиндрической формы с отверстием. Поверхность предмета обработана – заглажена. В погребении № 49 находилось мужское воинское захоронение. Здесь же, кроме других предметов было найдено железное копье и бронзовые стрелы. К сожалению, погребение сильно потревожено и ограблено. Возможно, предмет является частью рукояти для плети. Во всяком, случае, близкая по форме эльхотовскому предмету рукоять из рога с отверстием была найдена в слое X – VII вв. до н.э. Сержень – Юртовского могильника (раскопки В.И.Козенковой).

Типология и систематика погребального инвентаря, анализ и аналогии вещам и обряду Эльхотовского могильника, показали преимущественные связи Эльхотова с горной группой памятников центрального варианта, в том числе и южнокавказской (группа А – по В.И.Козенковой). А также, позволили проследить некоторые связи населения, оставившего этот некрополь, с памятниками восточного и западного вариантов, выразившиеся в частности, в процессе инфильтрации ряда категорий керамики, предметов украшения, атрибутов одежды типичных для этих ареалов кобанской культуры в комплексы Эльхотовского могильника. При сравнении Эльхотова с памятниками восточного и западного вариантов культуры, установлена несколько более тесная связь по инвентарю с последними, чем с первыми.

Кроме того, рассмотренные в 1 и 2 главах работы материалы Эльхотовского и других памятников кобанской культуры предгорно – равнинной части Северной Осетии позволили проследить параллели с закавказскими материалами эпохи поздней бронзы – раннего железа. Причем, не только в инвентаре южнокавказской группы центрального варианта кобанской культуры, но и Южного и Юго-Западного Кавказа (могильники и клады Мелаани, Трели, Димац, Калакент, Арчадзор, Джантух, Куланурхва, Бамбора, Гари, Приморское, Анухва, Эшера, Гудаута, Оджоли, Нигозети и др.). Это такие предметы погребального инвентаря как фибулы,

очковидные привески, ворворки, гривны, биконические привески, браслеты, крестовидные привески, ажурная треугольная привеска, а также S – видные бронзовые псалии, которые были найдены в горной и предгорной части Северной Осетии - Алании.

Также, установлено, что материалы Эльхотовского могильника, Змейского поселения и одноименного могильника, обнаруживают определенные, достаточно многочисленные аналогии в инвентаре протомеотской группы памятников Северо – Западного Кавказа (оселки, ворворки и наконечники ремней, удила, псалии, каменные топоры-молотки, биметаллический кинжал с кольчатым орнаментом, ножи с горбатой спинкой и серповидные, каменные топоры – молотки, горшочек «тильпановидного» типа, происходящие из таких памятников как Фарс/Клады, Кочипэ, Геленджик, Кубанский могильник, Ахтырский Лиман I, Пшиш и др.).

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. В этой главе рассмотрены хронология и периодизация Эльхотовского могильника.

Задача определения последовательности развития Эльхотовского могильника во временной и в «горизонтальной плоскости» представляется достаточно сложной вследствие нескольких факторов. Тем не менее, имеющиеся достаточно надежные датирующие артефакты позволяют, с определенной долей условности, определить относительную хронологическую последовательность совершения захоронений и их абсолютные даты. Анализ инвентаря и элементов обряда комплексов могильника дает возможность для хронологического выделения в нем трех групп погребений.

Первая (ранняя) группа – IX в. до н.э. Датированными маркерами для данной группы являются такие предметы как бронзовый нож, кинжал раннего типа, конусовидные спиральные наконечники, каменный полированный топорик, костяная овальная привеска белозерского типа, литая

стрела, сосуд «тюльпановидного» типа, бронзовая овальная привеска архаичного типа и др.

Наиболее ранним в первой группе является погребение № 15. В приведенной в работе таблице взаимовстречаемости предметов погребального инвентаря Эльхотовского могильника, из 8 предметов, найденных в погребении № 15, два предмета не встречаются в других захоронениях памятника. Это бронзовый нож или скальпель и бронзовая пуговица с заостренными концами. Также, не встречается, в других погребениях могильника такой признак погребального обряда как сильная скорченность костяка и прижатость конечностей к телу. Абсолютная дата погребения № 15 – начало – середина IX в. до н.э.

Наиболее позднее в первой группе - погребение № 80. Преимущественно, погребальный инвентарь данного захоронения датируется по аналогиям в рамках конца IX – VIII вв. до н.э. В то же время, здесь находился керамический черпачок, форма которого, а также форма и высокое расположение ручки над венчиком, аналогичны верхнерутхинской «круглодонной чарке» (раскопки Е.И.Крупнова). Комплекс № 11 из Верхней Рутхи датируется Е.И.Крупновым начальными веками I тысячелетия до н.э. В.И.Козенкова датирует «крематорий» Верхней Рутхи рубежом II – I тыс. до н.э. Учитывая наличие в эльхотовском погребении керамического кубка с налечами, несколько «омолаживающего» комплекс, нам представляется возможным отнести погребение № 80 ко времени последней трети - концу IX в. до н.э.

В целом, ранняя группа комплексов проявляет заметную компактность, по обряду, инвентарю, а также, в большей части, и по размещению на могильном поле. В количественном отношении эта группа составляет 20 % от общего числа погребений памятника.

Вторая группа. Комплексы VIII в. до н.э. Погребения второй группы по обряду и погребальному инвентарю весьма близки. Предметы этой группы могли бытовать как в первой половине VIII в. до н.э., так и в

середине и в конце века. Поэтому, относительная хронология могил внутри данной группы представляется затруднительной.

Датирующими предметами второй группы являются корчаги 1-7 типов, кружки 1-4 типов, небольшие черпаки 1-2 типов. Пластинчатые пряжки, иногда с геометрическим орнаментом, вогнуто-выпуклые керамические пряслица, бронзовые височные привески в 1,5 оборота с нерифленой поверхностью, двуволютные («очковидные») привески, птицевидные привески и в виде литой головы барана, бронзовые пластинчатые браслеты, цилиндрические и биконические спиральные пронизи, бронзовые удила «новочеркасского типа», топоры с прямым корпусом, костяные втульчатые наконечники стрел вытянуто – пирамидальной формы. Важным хроноиндикатором во второй группе является также, бронзовый ромбовидный наконечник стрелы «новочеркасского» типа из погребения № 49, снабженный сигнальным отверстием (Чшиев, 2007; 2012 а; 2012 в).

В процентном отношении комплексы второй группы составляют 75% от всех погребений могильника.

Третья (поздняя) группа. Комплексы начала VII в. до н.э. Хронология третьей группы произведена исходя из наличия в погребениях предметов омолаживающих комплексы.

Таковы поздняя бронзовая поясная пряжка из погребения № 38, близкая пряжке из материалов могильника Гастон Уота VII – VI вв. до н.э. (раскопки А.П.Мошинского). Кружка с округлой ручкой из этого же захоронения, биконическая кружка из погребения № 39, аналогичная предметам из Нестеровского могильника (раскопки Е.И.Крупнова) и из кургана 10 Ассиновского могильника скифского времени (раскопки С.Б.Буркова). К поздним предметам относится и тонкая бронзовая гривна из погребения 82. Аналогичная гривна была найдена в материалах Инжиччукунского могильника (раскопки Е.П.Алексеевой). Вторым предметом, омолаживающим дату погребения 82, является бронзовая поясная пряжка. Ее отличие от пряжек погребений второй хронологической

группы состоит в том, что она не отлита в форме, как более ранние, а вырезана из бронзовой пластины. Пряжка более узкая в центральной части, и имеет заметно выступающий крючок. Этот морфологический признак характерен для поздних кобанских пряжек. По этому признаку пряжка из погребения 82 сближается с пряжкой из погребения 38, также относящегося к поздней группе.

Относительная хронология третьей (поздней) группы, по нашему мнению, представляет собой следующую последовательность. Наиболее ранним здесь является погребение 39, позднее совершено захоронение в могиле № 38, где была найдена литая бронзовая пряжка позднего типа. Наиболее поздним является погребение № 82, где находились пряжка, вырезанная из бронзовой пластины и гривна позднего типа из бронзового тонкого прута. В количественном отношении захоронения третьей хронологической группы составляют 5 % от числа всех погребений.

ГЛАВА 4. ПРЕДГОРНО-РАВНИННАЯ ЗОНА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ КАК ТЕРРИТОРИЯ КОНТАКТОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В IX – VII ВВ. ДО Н.Э.

В двух разделах 4 главы рассматриваются элементы обряда и предметы материальной культуры, свидетельствующие о контактах племен – носителей кобанской археологической культуры с населением Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в предскифское – скифское время.

В разделе 1 рассмотрены конкретные данные инокультурного влияния, отразившиеся в погребальном обряде и инвентаре памятника.

В обряде это проявляется в наличие *охры*. Такой признак присутствует в 6,7 % захоронений Эльхотовского могильника. Наличие в погребальном обряде охры или реальгара известно на Кавказе с эпохи ранней бронзы. В эпоху поздней бронзы этот элемент ритуала известен и в каякено-хорочоевской и в кобанской культурах. В частности, известно наличие охры

в погребениях Зандакского могильника, 1 могильника на Кисловодской мебельной фабрике, Клин-Ярском III могильнике.

В то же время, по мнению С. Л. Дударева, наличие охры в кобанских памятниках, и в целом, присутствие этого признака в обряде кобанской культуры, является отражением влияния кочевнического (черногоровского) ритуала.¹ По подсчетам В. В. Отрощенко, погребения с красящими веществами у племен черногоровской культуры составляют 22 %.² Таким образом, вероятно, здесь мы имеем дело с особенностями обряда связанными с влиянием на кобанскую культуру со стороны племен Северного Причерноморья.

К числу предметов появившихся в местной культуре под воздействием степных или причерноморских племен относятся: *бронзовый втульчатый наконечник стрелы с ромбической формой пера, втульчатые костяные наконечники стрел пирамидальной формы с прямым основанием, каменная застежка с рифлением, каменный (черный сланец) точильный брусок стержневидной формы, керамический кубок*, близкий морфологически экземплярам чернолесской культуры, *керамический сосуд типа сковороды*, близкий белозерским экземплярам из Кировского поселения. Возможно, на это же влияние, в той или иной форме, указывает наличие *каменного цилиндрического молотка* из могильника Садовый Моздокского района РСФСР – А. Со степным, причерноморским импульсом связана находка костяной заостренной с обоих концов *застежки с перехватом* посередине из Комаровского могильника. Кобанские костяные застежки с перехватом, как правило, имеют срезанные под прямым углом, или закругленные концы. И, напротив, застежки рассматриваемого типа весьма распространены в раннескифских памятниках Северного Причерноморья (Журовка, Прусы, Белоглинка, Старшая Могила, Три брата, Дарьевка, Залесье). В этом же захоронении Комаровского могильника, на скелете лошади, находилось

¹ Дударев, 1999, с. 73.

² Отрощенко, 1989, с. 112.

костяное зооморфное украшение или ворворка уздечки скифского типа. Грифонообразные украшения подобного типа широко распространены в материалах савроматской и скифской культур. Сложно определить было ли данное украшение сделано кобанскими мастерами или является степным импортом, но, несомненно, то, что оно изготовлено в соответствии с образцами скифо-савроматского звериного стиля. В погребениях Комаровского могильника находились *бронзовые втульчатые трех- и двухлопастные наконечники стрел*, с шипом и без шипа, скифского типа.

Еще одной находкой, свидетельствующей о кобанско-причерноморских контактах, является наличие в квадрате «Ж» (объект 10), Змейского поселения, *костяного псаля* с отверстиями расположенными в разных плоскостях. В.И. Козенкова, В.С. Бочкарев, и В.В. Отрощенко датируют псалий XI – X вв. до н.э., и относят данную находку к древностям характерным для белозерской культуры Северного Причерноморья.

В женском погребении № 77 Эльхотовского могильника находилась *костяная овальная («каплевидная») привеска*. Аналогичные костяные «каплевидные» привески являются характерным элементом могильника белозерской культуры Северного Причерноморья «Чернянка».

Таким образом, рассмотренные выше материалы свидетельствуют о реальных контактах инокультурного характера в предгорной части Северной Осетии на протяжении около 400 лет, от рубежа X-IX вв. до н.э. – вплоть до развитого скифского времени.

В **разделе 2** рассматриваются артефакты, характерные для кобанской культуры, и в частности для памятников предгорной части Северной Осетии, встречающиеся в материалах населения Северного Причерноморья и юга Восточной Европы в рассматриваемый период.

В Николаевском могильнике кобанской культуры в 2011 году в погребении 4 нами была найдена *керамическая глубокая лощеная миска* с округлым плечом и плавно отогнутым коротким венчиком. Такие миски, по классификации В.И.Козенковой тип «и», для древностей западного варианта,

и тип XV, - для восточного, широко представлены в материалах кобанской культуры. Но наиболее массово они распространены в памятниках западного варианта. По подсчетам В.И. Козенковой, там эта форма составляет более 40% от общего числа мисок. В материалах кобанской культуры подобный тип сосудов широко представлен также и в бронзе (Верхнекобанский, Тлийский, Терезинский, Султангорский 1, Адайдонский могильники). Абсолютно аналогичная бронзовая миска была найдена в лесостепной зоне Северного Причерноморья, среди предметов Зелевкинского клада IX – VIII вв. до н.э., на территории распространения чернолесской культуры. Примечательно, что в кладах находились и типичные кобанские биконические привески, скрученные из подтреугольной в сечении проволоки. Не вызывает сомнения, что данная кобанская миска и привески являются импортами с Северного Кавказа.

Одной из типичных категорий кобанской посуды являются бронзовые кованые *ситулы и кружки* с одной или двумя зооморфными ручками. В предскифское и раннескифское время бронзовые сосуды рассматриваемого типа становятся достаточно массовым типом посуды кобанской культуры (только в погребениях Тлийского могильника общее количество бронзовых сосудов, преимущественно рассматриваемого типа, достигает 200 экземпляров). Они представлены в материалах горных и предгорных памятников культуры и северного склона Главного Кавказского хребта (Чшиев, 2008). Заметна бесспорная северная и северо-западная направленность вектора распространения данного типа кобанских сосудов. Это подтверждается большим числом их находок в Прикубанье, р-не Краснодар, Ставрополя, Украины, вплоть до среднего течения Днепра, картографированными Е.И. Крупновым в памятниках как предскифского («киммерийского»), так и собственно, скифского, времени.¹ Престижность и красота данного типа сосудов способствовали их распространению к соседям древнекобанских племен (Чшиев, 2008.) Так, находки подобных сосудов

¹ Крупнов, 1960, с. 31.

известны в памятниках киммерийско-скифского культурного круга Северного Причерноморья (Жаботинское поселение, могильник Квитки) и Прикубанья (Келермес).

В мужском воинском погребении № 60 Эльхотовского могильника были найдены *бронзовые двукольчатые удила* в сочетании с роговыми псалиями (Чшиев, 2005; 2012 а). Удила из погребения 60 относятся к типу 1, по типологии А.А.Иессена, и первому типу, по типологии В.И.Козенковой. Двукольчатые удила этого типа характерны для периода Кобан III (классического) по периодизации В.И.Козенковой – начало второй половины X – начало VII вв. до н.э. По мнению В.И.Козенковой большая часть удил (данного типа) происходит с северного склона Главного Кавказского хребта, причем более половины с территории Республики Северная Осетия - Алания. Отметим, что большое их число найдено в протомеотских памятниках.¹ На наш взгляд, большая часть кобанских бронзовых жестких уздечных комплектов «новочеркасского» периода, со временем постепенно модифицируясь, получила позднее распространение в среде скифских племен.

Аналогичная ситуация, видимо существовала в VIII – VII вв. до н.э. и с бронзовыми удилами, снабженными S – видными псалиями. Их прототипы находятся в Передней Азии и Закавказье, а дериваты (*S-видный бронзовый псалий с зооморфными концами* из фондов Национального Музея РСО – А, найденный в р-не предгорий Северной Осетии и *S-видный псалий* из Адайдонского могильника), при посреднической роли, в том числе, кобанских племен, попадали в степи Северного Причерноморья и Предкавказья (Чшиев, 2012 б; 2014 б). Возможно, аналогичная ситуация наблюдается и для колесовидных псалиев кобанской культуры (Чшиев, 2014 а).

Большинство вариантов уздечных наборов «новочеркасского» типа составляют комплекс, который, по мнению С. Л. Дударева складывался в

¹ Эрлих, 2007, с. 115 – 117; Вальчак, 2009, с. 185, карта 5.

сфере кобанской культурно-исторической общности.¹ Таким образом, вышеописанный тип уздечных комплектов является одним из маркеров связей племен Северного Причерноморья, степного мира юга России и кобанской археологической культуры, проходивших через предгорья Северного Кавказа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате систематизации и анализа материалов памятников кобанской культуры предгорно-равнинной части Северной Осетии начала – середины I тыс. до н.э. можно сделать следующие выводы.

1. В период IX – VIII вв. до н.э. кобанские памятники предгорной части Северной Осетии переживают эпоху своего расцвета. Материальная культура населения, оставившего эти археологические объекты, отличается большим разнообразием и богатством. В этот период в ней отмечены широкие векторы связей не только с культурой сопредельных территорий – восточным и западным вариантами, но и с достаточно отделенными регионами – Северным Причерноморьем, средним Поднепровьем. Обстановка в рассматриваемом регионе меняется в начале VII в. до н.э. Об этом свидетельствует затухание жизни на поселениях и прекращение функционирования могильников кобанской культуры в предгорной – равнинной части РСО – А.

Вероятно, именно в начале VII в. до н.э., политическая ситуация в регионе резко меняется. И если, в более южных районах Северной Осетии – Алании, а также высоко в горах, жизнь на кобанских поселениях продолжается и в VII – V вв., (Чернореченское, Верхнесанибанское (Гизельдонское), Зарамагское, и др.), то на севере предгорий она временно затухает. Однако эта пауза длится не долго. Здесь же, на севере предгорий Северной Осетии, и даже в равнинной зоне, уже в конце VII и в VI вв. до н.э., появляются новые памятники кобанской культуры. Об этом свидетельствуют

¹ Дударев, 1999, с. 170.

рассмотренные в соответствующих разделах данной работы материалы поселения Блин-гора 1, Заманкульского, Комаровского и Моздокского могильников, Моздокского поселения. Примечательно, что поселение Блин-гора 1 – VI – V вв. до н.э., и Заманкульский могильник VII – VI вв. до н.э., появляются в непосредственной близости, от закончившего свое функционирование Эльхотовского могильника, и опустевших кобанских поселений Эльхотком и у ст. Змейской. В то же время, кобанские памятники второй половины VII – V вв. до н.э. уже заметно отличаются известной трансформацией материальной культуры (Чшиев, 2016, с. 115 – 117).

2. Проведенная корреляция и хронологическая периодизация погребений Эльхотовского могильника позволила выделить три хронологические группы. В первую вошли восемь погребений, с наиболее архаичными чертами погребального обряда и вещевого материала. Это погребения, датирующиеся в рамках IX в. до н.э. Характерно, что в первой хронологической группе присутствует только одно детское погребение, а большая часть этих захоронений локализуется на юго-западной окраине могильного поля. Вторую хронологическую группу составляет самая многочисленная часть погребений могильника – 44, датирующихся в рамках VIII в. до н.э. В третью хронологическую группу выделены всего три погребения, датирующихся началом VII в. до н.э.

3. Материалы рассмотренных в работе памятников кобанской культуры Северной Осетии показывают весьма динамично развивавшиеся связи населения предгорий в предскифскую-раннескифскую эпоху как с сопредельными районами культуры, в том числе высокогорий республики, так и с достаточно отдаленными регионами (Нижнее Подонье, Северное Причерноморье). На примере биконической корчаги, пряслиц с выступающей закраиной, миски с округлой ручкой Эльхотовского могильника прослеживается связь с восточным вариантом кобанской культуры. Кубок с «семечковидным» орнаментом из Эльхотова, бронзовые привески в 1,5 оборота с рифлением на внешней поверхности, булавовидная

буса, привески-топорики, биконические витые пронизи и др. показывают связи с западным вариантом культуры. В то же время, подавляющая часть керамических сосудов Эльхотово, Комсомольского, Среднего Уруха, Николаевского могильника и зольника одноименного поселения, аналогична керамике высокогорных памятников культуры Северной Осетии этого времени – Горносанибанского поселения, Верхнерутхинского (Кумбултского), Верхнекобанского могильников, Фаскау и др. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с бронзовым инвентарем.

4. Одновременно наблюдаются и некоторые зональные отличия. В частности, в высокогорных районах западной части РСО-А, в Верхней Рутхе (Кумбулта), Фаскау (Галиат), а также, в материалах южной подгруппы центрального варианта, в том числе среди многочисленного вещевого инвентаря обширного Тлийского могильника, исследованного Б.В.Теховым, нет ни одного случая находок двукольчатых удил «новочеркасского типа», представленных на востоке и севере в В. Кобане и Эльхотово. Также, на территории южной подгруппы отсутствуют бронзовые многовитковые налокотники и некоторые другие категории артефактов, присутствующие в предгорных памятниках кобанской культуры. В обряде, различия с горными памятниками кобанской культуры, прослежены на примере погребальных сооружений и таких элементов как присутствие в могилах охры (Эльхотовский могильник) и частей туш МРС (Эльхотово, Николаевская, Комарово, Моздокский могильник). Это свидетельствует о некоторых региональных отличиях, существовавших в рамках одной культуры. Представляется вероятным, что некоторая часть этих особенностей, связана, в том числе, с большей вовлеченностью местного населения северной подгруппы, преимущественно района предгорной зоны, в дальние межкультурные, межплеменные взаимоотношения, происходившие, вероятно в контактном регионе, то есть, в предгорьях Северного Кавказа, и в частности, в предгорной части Северной Осетии. Все вышеизложенное

составляет специфическую особенность культуры исследуемого субрегиона, заставляющую рассматривать его особо.

5. В период с IX в. до н.э. – по VI в. до н.э. материальная культура кобанских племен предгорно-равнинной части Северной Осетии претерпела ряд существенных изменений как в вещевом инвентаре, что отразилось в трансформации ряда предметов и появлении новых, так и в обряде захоронения (появление каменных ящичков и подкурганых захоронений) (Чшиев, 2016, с. 115 – 117). Ряд этих изменений связан с инокультурным влиянием со стороны как близких соседей, населения – носителей кобанской культуры, так и со стороны обширного массива древних степных культур юга России и Северного Причерноморья.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Монография

1. *Чшиев, В. Т.* Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А.А.Туаллагов. – Владикавказ: Т. 1.– Издательско-полиграфический центр СОИГСИ РАН, 2007. Т. 1. – С. 178 – 293.

Глава в коллективной монографии

2. *Чшиев, В. Т.* Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии / Отв. ред. С.А.Айларова. – Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОИГСИ РАН, 2012. Т. 1. – С. 53 – 88.

В изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

3. *Чшиев, В. Т.* Новые находки из памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии как маркеры контактов автохтонного населения и племен киммерийско-скифского культурного круга // Вестник Российского

университета дружбы народов / Ред. С.А.Воронин. – Москва: Изд-во РУДН, 2016. № 4. – С. 73 – 84.

4. Чшиев, В. Т. Контакты племен – носителей восточного и центрального вариантов кобанской археологической культуры по материалам памятников предгорий Северной Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Ред. А. А. Слезин. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 193-196.

5. Чшиев, В. Т. Медицинские инструменты в кавказских древностях (по материалам кобанской археологической культуры) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Ред. А. А. Слезин. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 205-209.

6. Чшиев, В. Т. Новый комплекс с орнаментированным кобано – колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 246 / Глав. ред. Н. А. Макаров, Отв. ред. Ю. В. Лунькова. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – с. 280 – 297. *В соавторстве с А. Ю. Скаковым.*

В научных изданиях и трудах конференций

7. Чшиев, В. Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии России / Отв. ред М.П.Абрамова, В.И.Марковин. – Москва: ИА РАН, 2001.– № 3. С. 45 – 51.

8. Чшиев, В. Т. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // МИАСК, вып. 3. /Отв. ред. Нарожный Е.И.. – Армавир. РИЦ АГПУ, 2004, С.186 - 206. (В соавторстве с Р. Ф. Фидаровым).

9. Чшиев, В. Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // Материалы и исследования по археологии

Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И.Нарожный. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2004. Вып. № 4.– С. 273–286.

10. Чшиев, В. Т. Предметы конской узды из Эльхотовского могильника кобанской культуры // Труды международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» / Отв. ред. Р.Керимов. – Баку: Nurlar, 2005. С. 182 – 185.

11. Чшиев, В. Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И.Нарожный. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2005. Вып. № 5. – С. 89–99.

12. Чшиев, В. Т. Птицевидные привески кобанской культуры раннего типа из Алагирского ущелья Сев. Осетии // Международная Конференция «XXIV-е Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. 26-29 мая 2006 г. Тезисы докладов / Отв. редактор И.М.Чеченов. – Нальчик: КРОЛОРИТ, 2006. – С. 198–199.

13. Чшиев, В. Т. Раскопки могильника кобанской культуры Адайдон в Алагирском ущелье Северной Осетии в 2006 г. // Археологические открытия. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 63.

14. Чшиев, В. Т. Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры (Северная Осетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.– Армавир: Редакционно – издательский центр АГПУ, 2007. № 8. – С. 40–49. (0,6 п.л.)

15. Чшиев, В. Т. К вопросу о северокавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // Российская Археология. Москва: Наука, 2008. – № 3. – С. 97 – 99.

16. Чшиев, В. Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг.: Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов /

Отв. ред. А.А.Туаллагов. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И.Абаева, 2008. – С. 376–380.

17. Чшиев, В. Т. Традиции и инновации в археологии Кавказа (по материалам кобанской археологической культуры) // Проблемы всеобщей истории и политологии / Отв. ред. Б.Г.Койбаев. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, 2009. – С. 126–134.

18. Чшиев, В. Т. К вопросу о происхождении и назначении кавказских клювовидных секир эпохи бронзы / Сб. статей к 80-летию проф. М.М.Блиева / Отв. ред. Р.С.Бзаров. – Владикавказ, 2010. – С. 245 – 253.

19. Чшиев, В. Т. Клювовидные секиры Адайдонского некрополя (новые данные о вооружении древних племен Кавказа) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Международная Конференция «XXVI-е Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Тезисы докладов. – Магас: Пилигрим, 2010.– С. 362–365.

20. Чшиев, В. Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М.Мамаев. Грозный – Москва: Ин-т археологии РАН; Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. – С. 168 – 175.

21. Чшиев, В. Т. К истории взаимоотношений ираноязычных племен скифского культурного круга с автохтонными племенами Северного Кавказа по данным археологических источников Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. И.Б.Толасова. – Владикавказ: Изд – во СОГУ, 2012 в. № 3. – С. 65 – 69.

22. Чшиев, В. Т. Всадничество у племен кобанской археологической культуры Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. И.Б.Толасова. – Владикавказ: Изд – во СОГУ, 2012. № 4. – С. 96 – 100.

23. Чшиев, В. Т. Новые данные по погребальному обряду Николаевского могильника кобанской культуры // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Международная научная конференция XXVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. М.С.Гаджиев. – Махачкала: Издательский дом Мавраев, 2012. – С. 239–241.

24. Чшиев, В. Т. Каменная стела Николаевского могильника кобанской культуры. //Материалы Международной научной конференции «XXVIII Крупновские чтения» / Отв. ред. Д.С.Коробов: ИА РАН. – Москва, 2014. С. 209 – 210.

25. Чшиев, В. Т. Соляные колесовидные привески кобанской культуры. (К семантике одного из древних мифологических образов Кавказа) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова / Отв. ред. З.А.Дзукаева. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2014. № 1. – С. 135 – 148.

26. Чшиев, В. Т. Семантика зооморфных блях «крылатый баран» кобанской археологической культуры: Кавказско-индоевропейские параллели // Журнал Северо – Кавказского горно – металлургического государственного университета / Отв. ред. Ф.К.Медоева. Владикавказ: Изд-во СКГМИ (ГТУ), 2014. № 2. – С. 121 – 124.

27. Чшиев, В. Т. Некоторые линии развития связей Северного Кавказа (Северная Осетия – Алания) и Передней Азии (Урарту, Иран) в предскифское – раннескифское время // Вестник Российского университета дружбы народов / Ред. С.А.Воронин. – Москва: Изд-во РУДН, 2014. № 4. – С. 69 – 74.

28. Чшиев, В. Т. Элементы обряда и предметы материальной культуры, свидетельствующие о контактах племен-носителей кобанской археологической культуры предгорий РСО – А с населением Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Заметки ученого /Ред. С.А.Анесянц. № 6. Ростов – на Дону, 2015. – С. 105 – 107.

29. Чшиев, В. Т. Наконечники стрел «степного» типа в памятниках кобанской культуры предгорной зоны РСО – А // Изучение и сохранение

археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18 – 21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х.Багаев, Х.М.Мамаев. – Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2016. – С. 115 – 117.

30. Чшиев, В. Т. Массивные кружки биконических очертаний кобанской культуры и кувшинчики «кавказского гальштата» // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 61 – 64.

31. Чшиев, В. Т. К вопросу об ареале находок бронзовых птицевидных привесок кобанской археологической культуры // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 59 – 61.

32. Чшиев, В. Т. «Киммерийский» наконечник стрелы с сигнальным отверстием из предгорий Северной Осетии // Символ науки / Ред. Сукиасян А.А. – Уфа: Символ науки, № 8, часть 1. 2016. – С. 65 – 67.

33. Чшиев, В. Т. Вс. Ф.Миллер и изучение археологии Осетии // V Всероссийские Миллеровские чтения: Вс. Ф.Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. 20 – 22 октября 2016 г. – Владикавказ, 2016.

34. Чшиев, В. Т. Керамические сосуды редких форм из погребений Эльхотовского могильника кобанской культуры // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Ред. Ю. А. Прокопенко; Т. А. Невская. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. Вып. 9. С. 14 – 21. (0, 3 п. л.)

35. Чшиев, В. Т. The Transcaucasian Silk Road in the Late Bronze and Early Iron Age: The Materials of the Koban Archaeological Monuments Found in North Ossetia-Alania // Volume 11, Issue 1 (Journal of Nature Science and Sustainable Technology). – Нью – Йорк, 2017.